

VI. Великая Северная война

*Воины, пришёл час, который решит судьбу Отечества.
Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра,
но за Государство, Петру вручённое, за род свой,
за Отечество, за православную нашу Веру и Церковь...
имейте в сражении перед собой Правду и Бога, защитника вашего,
а о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога,
жила бы только Россия во славе и благоденствии,
для благосостояния вашего.*

Пётр I Великий. Обращение к войску перед Полтавской битвой

Мы не будем подробно описывать весь ход той многолетней войны, но хотим напомнить читателям о некоторых наиболее значимых для нас моментах.

Изначально Пётр I не собирался отвоёвывать все прибалтийские территории. Речь шла только о «возвращении земель отчич и дедич», захваченных Швецией в начале XVII столетия. В то время даже английский король Вильгельм III «при всех чужестранных министрах всенародне» заявил, что лифляндские города «были вотчиной» Петра I. Но, начавшись с поражения под Нарвой, война для России постепенно приобретала совсем иной оборот, и уже победоносная слава русского оружия давала Петру возможность по-другому оценивать будущее Прибалтики.

Восемнадцатое столетие принято называть веком Просвещения, но в среде благородного сословия его называли также галантным веком. Каждый представитель этой достойной части населения стремился тогда быть *galant home*, галантным человеком, т.е. чрезвычайно обходительным, изысканным, утончённым (разумеется, только с равными себе). Не хуже портных такой персонаж разбирался в лентах, пряжках и пуговицах, и для его высоких потребностей возникли промышленность и торговля, которые дожили до наших дней под названием галантерейных. В галантном восемнадцатом веке всё происходило в высшей степени галантно. Понятно, что это не касалось простонародья, людей подлого звания, крестьян и солдат... Да

и начинался XVIII век в Европе не слишком утончённо: кровавой и мучительной Северной войной, продолжавшейся более двадцати лет. В России же это время принято называть коротко и ясно — эпоха Петра.

Петра Романова приближённые и потомки называли Великим. Иные из подданных потихоньку величали его антихристом. Мир знал великих завоевателей, но их завоевания рано или поздно шли прахом, созданные ими гигантские империи

**Пётр I. Неизвестный художник.
Начало XVIII в. Холст, масло.**

разваливались. Мир знал великих реформаторов, случалось, их учения покоряли не только свой, но и другие народы, однако эти реформы были религиозные. Завоевания Петра не столь уж значительны, к религии он был равнодушен и священнослужителей не трогал, если они ему не мешали. Право называться Великим дала ему любовь к Родине. Любовь Петра к Отечеству была непомерна и необузданна, как он сам, нетерпение неистовым, а энергия ужасающей. Он обрушил свою любовь на Россию, как ураган, вздыбил, перевернул всё сверху донизу и погнал её в науку, культуру и если не к богатству, то к могуществу.

Могущество России совсем не улыбалось соседям: в години слабости и разрухи Руси они кромсали её по живому, отхватывали не деревеньками, пустошами, а целыми краями, и ведь легко взять, отдавать куда как тяжело... И росла, крепла вокруг России негласная стена блокады: знатоков, умельцев, учителей в Россию не пускать — дикую, нищую страну легче грабить под видом торговли. Пётр проломил эту стену, отвоевав древнерусские земли, захваченные заморскими супостатами. Задул над Россией свежий балтийский ветер, разгоняя застоявшийся чад ладана и курных изб. Позднее в устье Невы заложена была Санкт-Петербургская крепость, при которой со временем образовался город — будущая столица Великой Империи.

Личность Петра весьма незаурядна, но под стать ему были и другие монархи, вместе с которыми решалась тогда судьба Балтийского моря. Например, его союзник Август II, король Саксонии и Польши. Его не случайно называли Август Сильный. Этот могучий красавец и редкий жизнелюб благодаря своим многочисленным возлюбленным сумел стать отцом более трёхсотпятидесяти детей, и сегодня каждый саксонец имеет основания утверждать, что в его жилах течёт капля голубой королевской крови.

Под стать этим героям был их противник Карл XII, персона яркая и оригинальная. Шведский король славился своей простотой. Академик

Е.В.Тарле писал о нём: «Он был очень вынослив физически, молчаливо выносил долгое отсутствие привычной пищи и даже свежей, не пахнувшей болотом воды. Его воздержанность, суровый, спартанский образ жизни, недоступность соблазнам — всё это внушало к нему уважение». Карл XII питался хлебом с маслом, поджаренное на сковороде сало было для него уже лакомством. Когда он мёрз, в палатку к нему приносили раскалённые ядра. Вина не пил, поскольку в юности с ним случился конфуз: однажды крепко перебрав, он наболтал глупостей. Сторонился женщин, утверждая, что любовь испортит любого героя. Годами не менял одежды, в которой и спал, и сражался. Редко снимал ботфорты, забывая мыть потные ноги, и потому от монарха исходил нехороший запах. Всю свою жизнь молодой король проводил в походах и сражениях, проявив себя выдающимся полководцем, обожаемым своими солдатами. Почитатели называли Карла «последний викинг», а злоречивые турки прозвали его за упрямство «железной башкой». В антишведскую

Шведский король Карл XII

Портреты царя Петра I, короля Швеции Карла XII, короля Дании Фредерика IV, короля Пруссии Фридриха-Вильгельма I, короля Польши и курфюрста Саксонии Фридриха Августа II. Гравюра, 1716 г.

коалицию входила ещё и Дания, но её бледный монарх на фоне остальных исполинов как-то терялся.

Таким образом, кратко охарактеризовав главных героев данной исторической эпохи, мы перейдём к непосредственному описанию хода интересующих нас событий.

В 1700 году Россия начала, а точнее, возобновила свою историческую вековую борьбу за насильственно отторгнутые от неё земли. Для понимания настроений русской дипломатии в то время, крайне полезен документ, озаглавленный *«Выписка из старых дел с рассуждением о Швеции за что война началась»* (рукопись П.П.Шафирова). В частности, там говорится о том, что не только Карелия и Ингрия издревле к России принадлежали, но что российские государи даже и *«сами корреспонденции не имели»* с королями шведскими, а все трактаты

и пересылки принуждены были короли шведские *«чинить с наместники новгородскими»*. Речь могла идти лишь о пограничных делах этих русских провинций с местными шведскими властями. Кроме того, и *«большая часть от провинций Аифляндии и Эстляндии принадлежала под область и протекцию российскую»*, так же как город Юрьев Ливонский *«по-немецки Дерпт названный»*, основанный ещё в 1030 г. *«российским великим князем Ярославем Георгием»*, а также Колывань, названный потом по-немецки Ревелем. Законность и древность русских прав на эти земли безусловна: *«и хотя временами оные провинции от российского владения при противных конъюнктурах и отступали, однако ж паки иногда договорами, иногда же и оружием к оному присовокуплены бывали, как и во время великого князя Александра Невского отступившая было провинция Лифляндия паки оружием под влияние его приведена и дань на них погодная наложена»*.

И при *«нареченном первом собирателем»* Иване III, и при Василии, и Иване IV все эти земли оставались за Россией. И хотя в 1554 г. король шведский Густав I *«за некоторые ссоры начал против России войну, но не видя себе прогрессов, присылал к его царскому величеству послов Штейна и Эриксона с товарищи просить о мире»*, и *«тогда учинено перемирие на сорок лет, с такой однако ж кондицией, чтоб пересылку шведским королям иметь по-прежнему с наместниками новгородскими»*. А в 1560 г. это перемирие подтверждено при новом короле Эрихе *«через новгородских наместников»*. Но обстоятельства изменились, и не только уже в 1564 г. Эриху снова дано право сноситься непосредственно с царем, но Иван IV *«уступил королю шведскому из своих наследных земель город Ревель с некоторым дистриктом да из Лифляндии Пернов с некоторыми местечками»* и позволил шведам в наследственном русском городе Нарве торговать (*«иметь свободное купечество»*). Но зато король Эрих обязался не покушаться на прочие города лифляндские и эстляндские, *«а именно на Ригу с принадлежностями, яко его царского величества наследные и под его протекцией обретаю-*

щиеся». Но после того, как Эрих был низвергнут с престола братьями, в Швеции были арестованы русские послы, и началась в 1572 г. война, во время которой Россия потеряла в 1578 г. Нарву, Ям, Копорье и в Карелии Кексгольм. Но война продолжалась, и русские не соглашались на мир. Долго *«съезжались со обеих стран»* и спорили послы на реке Плюсе, близ Нарвы, но *«за спорами о провинциях Лифляндии и Эстляндии, Ревеле о мире не согласились, но учинили только перемирие на четыре года»*. В 1594 г., наконец, на реке Нарева русский окольный Иван Тургенин и шведский представитель Стен-Барен подписали *«трактат вечному миру»*: король шведский уступил русским только Карелию, а русские уступили шведам Нарву и Ревель. Ингрия и Карелия *«остались по тому вечному миру во владении российском»*.

Переходя к событиям начала XVII в., наш документ отмечает коварное поведение шведов. Царь Василий Шуйский вынужден был просить короля Карла IX о помощи *«против поляков и изменников»*. Шведы послали отряд под начальством Делагарди, но Делагарди, получив все условленные субсидии от Шуйского, изменил, вошёл в сношения с польским гетманом Жолкевским и стал грабить и разорять Россию вместе с поляками. Делагарди предательски вошёл в Новгород, разграбил город, разгромил монастыри и церкви и всю область, а затем отобрал русские города Орешек, Корелу, Ивангород, *«с принадлежащими к ним провинциями, с розлитием немало крови»*.

После избрания Михаила шведы решили войны против России не прекращать и все свои незаконные захваты удерживать. Царь Михаил Фёдорович обратился в 1615 г. за посредничеством (*«о добрых средствах к примирению»*) к Англии и другим державам. Король английский прислал царю Ягана Мерику, а Голландия послала в Швецию Рейна фон Бредера, но посредники мало помогли. Шведы из Новгорода не уходили и ещё более жестоко его грабили и осаждали и грозно усиливали осаду Пскова. Шведы и слышать не хотели об уступках. Они соглашались лишь вернуть дотла ими разорённый

Новгород и, *«видя бессилие российское, нимало от своих претензий отступать не похотели, угрожая вступлением с сильным войском внутрь России»*. При тогдашнем положении оставалось уступить грубому насилию и угрозам врага, имевшим вполне реальный смысл.

27 февраля 1617 г. в деревне Столбове (между Тихвином и Ладогой) был подписан мир *«невольной»* для избавления России от крайнего разорения. Шведы получили всё, чего хотели: *«провинции и Ижорскую и Карельскую купно с Иваном городом, Ямами, Копорьем и Орешком и со всеми ко оным принадлежащими землями и островами морскими за устьем Невы реки обретающимися»*. Россия отказывалась от прав на Эстляндию и Ливонию.

После всего сказанного о длившемся с XV по XVI вв. отстаивании Россией своих прав на свои исконные владения у моря, излишне объяснять, почему Пётр решил вступить в войну против Швеции в 1699–1700 гг. Дело было решено им и принципиально и в плане заключения естественного и необходимого союза с Польшей и Данией задолго до того, как к нему осенью 1699 г. явился в Москву остзейский дворянин Иоган Рейнгольд Паткуль, целью которого было оторвать Лифляндию от Швеции и сделать её автономной провинцией Польши. Он был представителем давно раздражённой против шведов части лифляндского дворянства, ущемлённого в своих материальных интересах так называемой *«редукцией»*, т.е. изъятием в пользу шведской казны части земель, принадлежавших остзейцам (*остзейцы* — *прибалтийские немцы, от Ostsee* — *Балтийское море*).

Этот деятельный и умный политический интриган уже побывал у польского короля Августа II, и польский король снёсся с датским королем Христианом V, у которого были виды на приобретение части соседних голштинских земель, чего нельзя было достигнуть без войны со Швецией, потому что она состояла в тесном союзе с Голштинией.

В западной историографии принято безмерно преувеличивать роль Паткуля в присоединении России к антишведской коалиции. Для Петра

**Иоганн Рейнгольд фон Паткуль (1660–1707),
остзейский дворянин и враг шведского короля**

вопрос решался самым фактом выступления Польши и Дании против Швеции, и Паткуля царь лишь использовал как вовремя подвернувшегося неглупого агента. Паткуль, интригуя в Москве против Швеции, в то же время в глубочайшем секрете интриговал в Дрездене и Варшаве против Москвы: он желал, чтобы его родная Лифляндия ни в коем случае не попала к России, а была бы отнята у шведов в пользу Августа II, бывшего одновременно королём польским и курфюрстом богатой Саксонии. По его мнению, это больше отвечало интересам лифляндского дворянства. Паткуль доказывал Петру, что ему следует удовольствоваться одной лишь Ингрией (Ингерманландией) и остановиться к востоку от Нарвы и озера Пейпус и даже Нарвы не брать. Но Паткуля должно было постигнуть разочарование, которое обыкновенно рано или поздно постигало всех дипломатов, желавших хитроумно обмануть Петра Алексеевича. Паткуля царь выслушал вполне одобрительно, так как дело было им уже предreshено, а затем, как увидим, остановился впоследствии не в Нарве, но

там, где, преодолев все трудности и неудачи, нашёл нужным и возможным остановиться.

11 ноября 1699 г. был подписан пока ещё тайный союзный договор между Петром и Августом II. Русские обязывались вступить в Ингрию, а саксонские войска одновременно в Ливонию. Датский посланник в Москве удостоверил, что датские войска тотчас же вступят со своей стороны в Голштинию.

Великая Северная война, началась с того, что в феврале 1700 г. шеститысячный саксонский корпус, пользуясь содействием курляндского герцога, неожиданно появился у Риги, без труда овладел Кобершанцем, а вслед за тем и Динамюнде. Располагая незначительными силами, саксонцы не рискнули атаковать Ригу и в ожидании подкреплений заняли позиции у Юнгфернгофа (Мазьюмправы) и близ Икшкиле. Когда же было получено известие о приближении шведов, спешивших из разных мест Лифляндии на помощь Риге, саксонцы в мае того же года оставили все свои укрепления и сломав за собой мост, отступили за Двину. 5 июля прибыл под Ригу сам Август II вместе с Паткулем, отбросил подошедшие шведские войска, и стал с главными силами на правом берегу реки. Уже начато было бомбардирование города, как известие о том, что Карл XII неожиданным вторжением в Данию заставил датского короля согласиться на мир, побудило Августа бросить осаду, перевести войска на левый берег и оставить их там под начальством фельдмаршала Штейнау и курляндского герцога Фердинанда-Казимира.

Между тем Пётр I, ожидал заключения мирного договора России с турками, с которыми велись в Константинополе долгие переговоры. Как только в Москве были получены известия о подписании договора, Пётр объявил Швеции войну и двинул войско прямо к Ругодиву, как по-старому продолжали называть русские Нарву.

Для шведов не могло быть неожиданностью, ни выступление России, ни даже направление первого удара. Ещё в 1695 г., шведский министр Бенгст Оксеншерн писал королю Карлу XI, отцу

СПРАВКА ОТ МУЗЫ КЛИО

Иоганн Рейнгольд фон Паткуль (1660–1707) происходил из весьма почтенного лифляндского семейства. Он получил юридическое образование в Кильском университете и поступил на шведскую военную службу. В 1680 году, принимая унаследованные от отца земли, стал жертвой земельной реформы, которую шведское правительство проводило на территории Лифляндии. По сути, это было грубое изъятие (редукция) земель и перераспределение собственности в пользу шведов. В результате местное дворянство лишилось почти всех своих владений. Остзейцы становились не собственниками, а лишь арендаторами своих имений. В 1689 году Паткуль был членом лифляндской депутации, которая просила у шведского короля о восстановлении прав и привилегий лифляндского дворянства. Он действовал при этом с такой прямоотой и настойчивостью, что возбудил ненависть короля Карла XI. За резкое осуждение правительства был приговорён в 1694 году к отсечению правой руки и конфискации имущества, но успел бежать. После того как ходатайства об отмене приговора остались тщетными, Паткуль поступил в 1698 году на службу к курфюрсту саксонскому и, будучи послан в Москву, способствовал заключению союза между Саксонией, Польшей и Россией против Швеции. Не поладив с приближёнными курфюрста, в 1702 году он перешёл на службу к Петру I. В 1704 году Паткуль был послан

в Варшаву и вслед за тем его назначили начальником русского отряда, отправленного на помощь Августу. При содействии этого отряда Август вернул себе Варшаву, которая ранее была захвачена шведами. Пётр приказал Паткулью или вывести войска из Саксонии в Россию через Польшу, или, если это окажется невозможным, передать их временно на службу австрийскому императору и затем вернуться через Венгрию. Саксонский тайный совет, управлявший государством, потребовал, чтобы Паткуль оставил своих солдат в Саксонии. Когда же он на это не согласился, министры решили его арестовать. Пётр многократно протестовал против такого беззакония, но внимание его было отвлечено опасностью, угрожавшей в то время России со стороны Швеции. По Альтранштадтскому миру между Швецией и Саксонией (1706) Паткуля решено было выдать Карлу XII. Август II тайно приказал коменданту крепости Кёнигштейн дать Паткулью возможность бежать, но вследствие жадности коменданта, который непременно хотел получить с него выкуп, дело затянулось до тех пор, пока в крепость не вступил шведский отряд, 7 апреля 1707 года Паткуля заковали в цепи, перевезли в польский город Казимир, а 10 октября он, как изменник шведской короне, был казнён.

Сам Карл лично дал подробнейшую инструкцию: Паткуля сначала колесовали, причём ему было дано с долгими промежутка-

ми шестнадцать ударов кованной железом дубиной, переломавшей ему последовательно все кости рук, ног, позвоночника, затем, когда он подполз к эшафоту, умоляя поскорее отрубить ему голову, палач лишь на четвёртом ударе топора покончил с ним. Труп затем четвертовали.

Карл XII был в большом гневе на офицера, командовавшего при выполнении казни, за то, что Паткуль не получил ещё нескольких ударов, и офицер был за излишнее милосердие разжалован! Всё это со стороны Карла XII, знавшего, сколько раз царь хлопотал перед Августом о присылке арестованного Паткуля в Россию, проделывалось с целью как можно более уязвить и оскорбить царя в лице его полномочного посла, каковым числился Паткуль перед своим арестом.

Русские дипломаты именно так и поняли варварскую расправу с Паткулем как оскорбление, прямо направленное против царя, именно в виде ответа на протесты Петра перед Европой по поводу ареста его посла. Головкин и Шафиров, узнав о казни, разослали по иностранным дворам новый резкий протест и грозили репрессалиями, о чём сообщали Петру: «Да писали ж мы ко всем своим министрам, дабы, будучи при дворах, объявили, протестуя о жестокосердии короля шведского, показанном в ругательной казни министра вашего Паткуля, несмотря на протестации ваши, и что тем он подаёт вашему величеству довольные причины ко взаимному отмищению».

и предшественнику Карла XII, о Петре: *«Кто может знать, что таит этот молодой честолюбивый царь против вашего величества, так как ведь Ингерманландия и Кексгольм колют ему глаза»*.

Шведы не забывали, что в своё время похищенное ими русское добро, от которого русские никогда не отказывались, ещё может послужить предметом вооружённой борьбы за его возвращение.

В сражении, состоявшемся 19 ноября 1700 года под Нарвой, русские были разбиты...

Впечатление от Нарвы держалось долго. Можно сказать, что в течение восьми лет и семи месяцев, отделявших первую Нарву от Полтавы, дипломатия враждебных России европейских держав оставалась под властью этих воспоминаний. Именно умышленно преувеличенные рассказы

о Нарве надолго внушили многим уверенность в безнадежной якобы слабости русских. Лёгкие победы Карла над поляками ещё более ослепляли его хвалителей. *«Мой брат Карл хочет быть Александром, но не найдёт во мне Дария»*, — отзывался Пётр на этот доходивший до него гул европейского «общественного мнения» и хвастливые шведские уверения в близком завоевании Москвы.

Особенно громко этот ликующий хор, восхвалявший нарвского победителя, был слышен в протестантской Германии. В широких массах северогерманского бюргерства жива была традиция восторженного преклонения и обожания Густава Адольфа, шведского короля, который в конце 20-х и начале 30-х годов XVII в. принял участие в Тридцатилетней войне на стороне союза протестант-

Карл XII в сражении под Нарвой 19 ноября 1700 г. Гравюра В.Свиде. Начало XVIII в.

СПРАВКА ОТ МУЗЫ КЛИО

В разгар боя русский главнокомандующий герцог Карл Евгений де Круа с восклицанием: «С такими солдатами пусть чёрт дерётся» первый сдался шведам, и король Карл прислал ему 1 500 новых шведских червонцев, приказав отпускать кушанье, вино и пиво со своего стола по 4 блюда и по 3 бутылки ежедневно.

Об этом деятеле известно, что родился он в Нидерландах, и в его жилах текла королевская кровь. В начале Северной войны де Круа перешёл на службу в русскую армию, Пётр I произвёл его в генерал-фельдмаршалы и назначил главнокомандующим русскими войсками под Нарвой. В битве гер-

цог изменил долгу и сдался в плен неприятелю.

Этот авантюрист, приглашённый на русскую службу, привёз с собой из Вены восемьдесят офицеров. Половина из этого набранного де Круа «офицерства» сдалась под Нарвой вместе со своим командиром, который потом, уже будучи в шведском плену, целый год ещё выпрашивал у Петра ефимки, ибо он «с великими харчами 42 человека питатися принужден» и должен кормить этих «бедных пленников».

Шведы привезли его в Таллин. Здесь Де Круа быстро освоился, завёл обширный круг знакомств. Он вёл разгульную жизнь, играл в ко-

сти, долги его росли. Неожиданно герцог скоропостижно умер...

Его раздосадованные заимодавцы решили не отдавать городским властям тело покойного — единственный залог его больших долгов.

Мертвеца положили в гроб и отнесли в подвал церкви Св.Николая на хранение. Было это в 1702 году. С тех пор и лежал он в одной из часовен, одетый в чёрный бархатный камзол с белоснежными кружевами и в завитом парике. Мумию случайно обнаружили только через сто двадцать лет. Считается, что тело герцога сохранилось благодаря крепким напиткам, которые так ценил покойный. Похоронили его лишь в 1897 году.

ских князей, успешно бил армии католической Австрии и хотя делал это исключительно для приобретения экономических и политических выгод для Швеции, но в глазах многих лютеран он остался в ореоле «святого мужа», покровителя протестантизма, чем-то вроде Георгия Победоносца, топчущего римско-католического змея. По наследству эта репутация перешла и к Карлу XII, который избрал себе как образец для подражания именно своего пращура Густава Адольфа.

Победа Карла XII над «нечестивым» русским царём привела в Германии многих в восторг. После Нарвы была даже создана особая философия о «богом навсегда назначенных границах государств»: «Такою роковою границею представляется Лифляндия и Ливония для московского государства». Поэтому победа Карла XII «скорее должна почтеться за дело божеское, чем человеческое». Пётр потерпел поражение, «потому что он захотел поступить вопреки определению божью», ибо Господь раз и навсегда повелел, чтобы Прибалтика была «шведской, а не русской».

Битва при Нарве в 1700 г. была проиграна, и Пётр объяснял шведскую победу («викторию») прежде всего полной необученностью русских войск, не бывавших до этого в деле: «Итак, над нашим войском шведы викторию получили, что есть бесспорно. Но надлежит разуметь, над каким войском оную получили. Ибо один только старый Лефортовский полк был, да два полка гвардии были только у Азова, а полевых боёв, паче же с регулярными войсками, никогда не видели: прочие же полки, кроме некоторых полковников, как офицеры, так и рядовые сами были рекруты. К тому ж за поздним временем и за великими грязями провианта доставить не могли, и единым словом сказать, казалось всё то дело яко младенческое игранье было, а искусства — ниже вида». Поэтому Пётр и считал неудивительным, что прекрасно обученное, закалённое шведское войско победило: «То какое удивление такому старому, обученному и практикованному войску над такими неискусными сыскать викторию?»

Но сейчас же после этой тяжкой неудачи в России началась кипучая работа над созданием

регулярной армии нового типа. Эта армия создавалась в течение нескольких лет, и в результате получилось рекрутируемое по набору войско, вовсе не похожее на шаблон европейских армий. Пётр и его помощники строили новое на старой, самобытной национальной основе и не только брали казавшиеся им пригодными образцы с Запада, но и вносили ряд удачных новшеств и в дело управления конницей, и в сапёрно-инженерную часть, и в развитие и управление артиллерийской службой, и специально в дело осады укреплений, когда Василию Корчмину и другим создателям русской артиллерии приходилось считаться с такими трудностями обстановки, о которых французский классик этой специальности Вобан не имел понятия.

Нарвская катастрофа едва не расстроила всего анти-шведского союза, и потому царь употребил все силы, чтобы склонить польского короля продолжать войну. В мае 1701 года, князь Аникита

Памятник русским воинам,
павшим под Нарвой 19 ноября 1700 г.

Иванович Репнин выступил из Пскова, ведя под Ригу в помощь саксонцам, 18 солдатских и 1 стрелечий пехотные полки. Через полтора месяца, он соединился с войсками Штейнау под Кокенгузенем (Кокнесе). О прибывших полках фельдмаршал дал любопытный отзыв: «Сюда прибыли русские войска, числом около 20 000. Люди вообще хороши, не больше 50 человек придётся забраковать; у них хорошие мастрихтские и люттихские ружья, у некоторых полков шпаги вместо штыков. Они идут так хорошо, что нет на них ни одной жалобы, работают прилежно и скоро, беспрекословно исполняют все приказания. Особенно похвально то, что при целом войске нет ни одной женщины и ни одной собаки; в военном совете московский генерал сильно жаловался и просил, чтобы женам саксонских мушкатеров запрещено было утром и вечером ходить в русский лагерь и продавать водку, потому что через это его люди приучаются к пьянству и разного рода дебоширству. Генерал Репнин человек лет сорока; в войне он не много смыслит, но он очень любит учиться и очень почтителен: полковники все немцы, старые, неспособные люди и остальные офицеры люди малоопытные».

Главные силы корпуса Репнина остались у Кокнесе, а под Ригу отправлены были 4 000 чел. под общим начальством Томаса Юнгара (полки Трейдена, Риддора и стрельцы Юрия Вестова). Прибытие русских было как нельзя более кстати: на выручку осаждённого города шёл от Дерпта (Тарту) сам шведский король. В то время он имел под ружьём более 30 000 чел. и 17 июня, в день своего рождения, с большей половиной армии Карл XII выступил через Вольмар (Валмиера) и Венден (Цесис). На случай попытки шведов перейти Двину у самой Риги, Штейнау распорядился занять под городом лежащие у левого берега острова, причём один отряд русских был помещён на острове Луцавсала в укреплении, которое за год перед этим возведено было самими шведами. Этому отряду, численностью немногим более 400 человек, суждено было со славою пасть на своём посту.

Шведская армия прибыла к Риге 7 июля. Незадолго до этого Штейнау, беспокоясь за Кокнесе, отбыл туда, оставив во главе армии герцога курляндского и Паткуля. Полагаясь на превосходство своих сил (25 000 против 14 000) и на выгоды занимаемой позиции, они не приняли должных мер на случай переправы шведов. Паткулю даже приписывали намерение не препятствовать переправе, в расчёте на лёгкую победу. Между тем, лучшая пехота Европы готовилась к сражению. Под защитой крепостных орудий, рижский комендант Дальберг собрал множество шлюпок и разного рода судов для перевозки войск. Чтобы переправлять пушки и кавалерию, снарядили особо приспособленные к этому паромы с опускаемыми бортами. На многих лодках в передней части укреплены были толстые связки пеньки для защиты солдат от выстрелов. Другие суда были нагружены подмоченным сеном. Предполагалось пустить их вперёд и зажечь для того, чтобы густой дым помог скрыть от неприятеля переправу.

Несмотря на то, что всё обещало успех, осторожные шведские генералы были против высадки: им казалось слишком рискованным переправляться через широкую реку в виду многочисленного и сильно укрепившегося неприятеля. Французский посланник граф Гискар представлял

королю всю опасность подобного предприятия и сказал между прочим: «*саксонцы ведь не русские*». Карл отвечал по латыни: «*et si fuissent galli*» (да хоть бы и французы!).

9 июля 1701 г., в 4 часа утра, из Пиленгофа (за нынешним рижским садом Виестура), шведы начали переправу. Все мачты судов, стоявших в гавани, все крепостные валы города были заняты массами зрителей, перед глазами которых скоро открылось невиданное зрелище: в короткое время вся река покрылась шлюпками, паромами и лодками, а впереди плыли барки с сеном; лишь только зажгли их, как по реке разостался густой дым, облака которого, благодаря ветру, дувшему с правой стороны реки, потянуло прямо в лицо неприятелю. Пользуясь тем, что саксонцы не вдруг могли сообразить, что происходит на реке, шведы доплыли уже до середины. Только тогда заговорили саксонские пушки, на выстрелы которых тотчас же отвечали с батарей, устроенных на паромках. Через три четверти часа последовала первая высадка шведского отряда в 7 000 человек пехоты и 600 человек кавалерии у Кремерсгофа (где теперь расположен цементный завод). Паткуль счёл эту минуту удобной для нападения и двинул свои войска в атаку, но шведы уже успели выстроиться в боевой порядок и отразили саксонцев

Осада Риги саксонскими войсками, 1701 г. Гравюра на меди. Автор И.Литен, 1705 г.

Переправа шведских войск через Двину 9 июля 1701 г. Гравюра на меди. Автор И.Литен, 1705 г.

вместе с русскими, которые принуждены были к отступлению. В эту решительную минуту прибыл сам Штейнау; ему удалось восстановить порядок между отступавшими войсками и он снова повёл их в бой. Но все усилия были напрасны, в происшедшей тут рукопашной схватке был ошеломлён ударом приклада в голову герцог курляндский, падение которого произвело замешательство в коннице и саксонцы снова подались назад. Между тем с противоположного берега прибывали всё новые и новые полки шведов. Штейнау и Паткуль в третий раз повели своих в атаку, бой снова закипел с ожесточением, но шведы везде брали верх и начавшаяся в 5 ч. утра битва, к 7 часам была уже окончена. Саксонцы оставили поле сражения. При отступлении они подорвали укрепления Кобершанца. Потери Карла были значительны, а утомление конницы так велико, что о преследовании разбитого неприятеля никто и не думал.

На острове Луцавсала оставался ещё русский отряд в 400 человек. Можно предположить, что про этих людей в горячке боя и последующего бегства большие начальники просто забыли. Так, или иначе, но пост свой они не покинули. Об участии этой горсти русских сохранились некоторые подробности.

Фриксель в своей книге «Жизнь Карла XII» говорит, что «9 июля после поражения саксонцев король отрядил полковника Гельмерсена с 500 человек потребовать сдачи от 400 русских, окопавшихся на небольшом острове Двины; но эти 400 и слышать не хотели ни о какой капитуляции и защищались все до последнего человека. Все они погибли, но погибли с честью, как подобает храбрым. При схватке с ними пало много шведов, в числе их сам Гельмерсен». Более обстоятельный рассказ находим в «Ливонской Истории» Кельха, который нападение на русский отряд относит

к ночи, следовавшей за сражением 9 июля. «Уже за несколько дней перед этим, губернатор Дальберг отрядил полковников Гельмерса и Врангеля, каждого с 300 человек из полков, составивших рижский гарнизон, произвести диверсию против русских, стоявших у Даленгольма; им же было поручено при возвращении оттуда истребить несколько сот русских, засевших на острове Люцаусгольме, так как нашли справедливым не давать этим русским никакой пощады... Упомянутые офицеры решились ночью с 9 на 10 июля исполнить приказание и в самую полночь атаковали засевших в укреплении 300 и более русских, но встретили отчаянное сопротивление... Раздавшиеся за тем выстрелы и крики подняли на ноги весь шведский лагерь, так как многие не могли объяснить себе причину тревоги; сам король, заключивший по страшной пальбе, что происходит жестокая схватка, с некоторыми из своих генералов и с отрядом кавалерии поспешил на место боя. Он подоспел уже тогда, когда всё было кончено, когда державшиеся в окопах были истреблены и тела убитых образовали такую гряду, что нигде было поставить ноги на землю. Оставшиеся

в живых бросались в воду и там тонули, других находили в кустарнике и там убивали, забравшихся на деревья расстреливали «как птиц». Только двадцать человек продолжали держаться в небольшом редуте: их спасло появление короля, который велел пощадить их жизнь и взять в плен, к большому неудовольствию офицеров и рядовых, разъярённых потерями, которые они понесли при приступе. Полковник Гельмерс, многие офицеры и более 100 мушкетеров были убиты, а майор Лилеништерн и несколько других офицеров и рядовых тяжело ранены».

По некоторым сведениям, местные латыши оказывали русским солдатам посильную помощь. Известно, например, что рыбак Ян Стакель под покровом ночи доставлял на Луцавсалу порох и пули. За это он был публично колесован.

Годы спустя, на месте увековеченном геройским самоотвержением горсти русских воинов, которые решились лучше умереть, чем сдаться, сооружён был памятник. В наше время возобновилась старая традиция и теперь ежегодно, 10 июля у его подножия проводятся мероприятия в честь павших героев.

Бой на Луцавсале 10 июля 1701 г. Вдали виден взрыв Кобершанца, уничтоженного отступающими саксонцами. Гравюра на меди. Автор И.Литен, 1705 г.

Чтобы верно охарактеризовать деятельность Петра, в первую очередь следует отметить, что в отличие от Карла XII, в его действиях не было и тени авантюризма. Он поставил себе цели, диктовавшиеся неудовлетворёнными экономическими потребностями России в свободном выходе к морю, в возвращении старых, насильственно отнятых чужеземцами в XVI–XVII вв. русских балтийских берегов, без чего было бы немыслимо думать о сколько-нибудь широком развитии экспортной

В Риге, в десяти минутах езды от центра города, Даугаву пересекает Островной мост. Дорога ведёт через остров Луцавсала. Среди небольшой группы деревьев, между которых высятся громадные вековые липы, с давних пор сохранялись остатки фундамента ветряной мельницы, сложенного на довольно заметной насыпи. Местные жители хранили предание, что это могила русских солдат, погибших в годы Северной войны. В 1891 году здесь был установлен гранитный монумент.

и импортной торговли и вообще о непосредственных сношениях с Западом. Вовсе не авантурные завоевательные претензии и честолюбивые фантазии приковывали мысль Петра к Балтийскому морю, но невозможность и даже опасность откладывать надолго выполнение задачи, которая была осознана ещё столетия назад.

Тем временем Карл XII осенённый славой непобедимого полководца обратил своё оружие против Августа II. Он вошёл сначала в так называемую польскую Пруссию, углубился в польские владения и, как выразился Пётр, «увяз в Польше». Этот стратегический и политический шаг, оказавшийся в свете позднейших событий роковой ошибкой шведского короля, был продиктован опасениями Карла, не желавшего перед походом на Россию оставлять в тылу не ликвидированного окончательно польского врага. Ошибка была не в движении Карла на Польшу, которое имело свои серьёзные основания со стратегической точки зрения. Неисчислимый вред Карлу принесло то, что он на много лет «увяз» в Польше. Он превратил Польшу на долгие годы в главный театр войны, увлёкся завоевательными прогулками и успехами.

Полагая, что после нарвского поражения русские навсегда утратили боеспособность, защищать Лифляндию и Эстляндию шведский король оставил лишь 8-тысячный отряд генерала Вольмара Шлиппенбаха. Тот пытался овладеть Гдовом, атаковал Печоры, но был отбит. Шведы активно грабили окрестные деревни, собирая продовольствие. Впрочем, тем же занимались и русские войска, старательно опустошая шведскую территорию. Царь указывал Б.П.Шереметеву: «... ближних мест беречь и идти вдаль для лучшего вреда неприятелю». Походы совершались драгунами, которые передвигались верхом, но сражались, как правило, в пешем строю.

После нескольких неудач, военное счастье перешло на сторону Петра Великого. Ему удалось собрать рассеянные поражением под Нарвой войска и с успехом повести военные действия против шведов в Прибалтийском крае. Громадный

Поле под Эрестфером (Erastvere) — место первой победы русских войск в Северной войне

моральный эффект произвела первая серьёзная военная встреча русских со шведами, происшедшая в последних числах декабря 1701 г. и названная сражением под Эрестфером (шведы называют это селение Эрасфером, а немцы — Эллисфером.)

Генерал Шереметев, стоявший в Пскове, узнал через шпионов, что в Дерпте и его окрестностях находится Шлиппенбах с отрядом в 7 тыс. человек кавалерии и пехоты. Шереметев решил атаковать шведов и пошел из Пскова к Дерпту во главе 8 тыс. человек, имея при себе артиллерию. Но до Дерпта он не дошел, потому что дальнейшая разведка сообщила, что Шлиппенбах стоит в окрестностях города. Произошёл успешный бой русского авангарда с передовым отрядом шведов. Получив от пленных нужные ему сведения, Шереметев быстро двинулся против главных сил Шлиппенбаха, находившихся у деревни Эрестфер (примерно в 40 км от Дерпта). 29 декабря 1701 г. произошёл бой, который в первые часы был неудачен для русских. Армия только начала переживать реформу и было «яко новое войско — не практикованное», к тому же и «пушки не приехали». Возникло замешательство, «конфузия», и русские отступили. Но тут подоспела артиллерия и сразу поправила дело: русская армия снова атаковала неприятеля. Упорное сражение длилось четыре часа. Наконец, русские сломили шведское сопротивление и одержали полную победу. Шведы бежали, побросав артиллерию, и русская кавалерия гнала их несколько миль. Шведские потери одними лишь убитыми были равны 3 тыс. человек, русские потеряли погибшими втрое меньше — 1 тыс. человек.

Шведские источники уточняют, что Шереметев использовал элемент внезапности, зная, что шведы празднуют рождество, и для ускорения переправил свою армию по льду озера Пейпус на 2 тыс. санях. Шведы были застигнуты врасплох: жена и дочери Шлиппенбаха лишь случайно не оказались захвачены русскими.

Б.П.Шереметев (1652–1719). Первый генерал-фельдмаршал и командующий русской армией. Один из ближайших сподвижников Петра I. Гравюра П.Антипьева с оригинала Г.Аргунова, 1774 г.

Атака шведов ярославскими драгунами у деревни Эрестфер 29 декабря 1701 года, худ. М. Греков.

Пётр был в полном восторге. Он произвёл Шереметева в фельдмаршалы, пожаловал Андреевским орденом с царским портретом, осыпанным бриллиантами. Щедро наградили офицеров и солдат. Представление о шведской непобедимости впервые испытало большой удар, и этот моральный результат Эрестфера был гораздо важнее стратегического.

Следует отметить одно важное обстоятельство. Некоторые историки всякий раз ставят его как бы в укор русским и в похвалу шведам, когда им приходится признавать русские победы, всё равно — при Эрестфере, под Калишем, или под Полтавой. Всякий раз указывается, что, мол, немудрено, если русские там-то и там победили: их было вдвое (или втрое и т.д.) больше, чем шведов. Пишущие так забывают, что ведь это говорит именно в похвалу, а не в порицание русской стратегии. Пётр, первоклассный полководец, предвосхитил своими действиями классическое правило, сформулированное лишь спустя сто лет Наполеоном: **всё искусство войны заключается в том, чтобы оказаться сильнее неприятеля в определённом месте в определённый момент.** Пётр, как сто лет спустя и Наполеон, считал, что на войне единственное важное дело победить, а не блеснуть молодечеством и хвастать тем, что наших, мол, было меньше, а мы победили, или оправдываться тем, что неприятеля было втрое больше и только поэтому,

мол, пришлось уступить. Конечно, если бы даже численное соотношение сил под Эрестфером было до такой степени в пользу русских, как это описывается у шведских летописцев и историков Северной войны (а оно было совсем не таково), то и в этом случае вывод был бы один: Пётр, посылая Шереметева к Дерпту, и Шереметев, атакуя Шлиппенбаха, дей-

ствовали совершенно правильно и талантливо использовали ошибку шведской стратегии, оставившей Прибалтику без надлежащих возможностей победоносного отпора русскому натиску.

Бои на границах расположения двух армий — русской и шведской продолжались. Через полгода, 17 июля 1702 г. (по шведскому календарю 18-го) дело дошло до нового серьёзного столкновения. Русские перешли в наступление по линии Эрестфер — Дерпт. При Гуммельсгофе Шлиппенбах потерпел очередное жестокое поражение от войск Шереметева. Сначала шведам удалось потеснить русских и даже отбить у них пять пушек (по шведским показаниям — шесть), но затем к полю битвы подоспела русская пехота, и неприятель был разбит наголову и не только должен был оставить взятые у русских орудия, но и потерял пятнадцать своих. Русские взяли в плен 238 человек, а *«остальные от пехоты почитай все на месте трупом положены»*.

В августе петровские войска осаждают Мариенбург (Алуksне). Трудность овладения этой одной из сильнейших крепостей, Шереметев объяснял её островным положением: *«... стоит на острове, около — вода, сухого пути ни с которой стороны нет»*. Мост был разрушен, но солдаты соорудили плоты и преодолели водную гладь озера. После 12-дневной осады под угрозой приступа крепость сдалась. В числе пленных, взятых тогда,

оказалась воспитанница местного пастора Эрнеста Глюка Марта Скавронская — будущая императрица Екатерина I.

Русские беспрепятственно прошли всю южную Лифляндию, забирая запасы продовольствия, разрушая укрепления, захватывая пленных. Но фельдмаршал не желал нарушить повеления Петра и не занял Лифляндию (для этого не пришло ещё время). Вернувшись в Псков и устроив свою армию близ Пскова и у Печоры, фельдмаршал остался в готовности нагрянуть в любой пункт Ливонской (Лифляндской) земли, куда ему будет указано.

Стокгольмский правительствующий совет был встревожен, хотя часть его членов бодрилась. Но Карл XII, гнавший в Польше короля Августа и шедший из Торуня в Варшаву, из Варшавы в Сандомир, оттуда собиравшийся в Краков, ничуть не был смущён. Им овладела безмятежная уверенность в конечном и лёгком успехе в борьбе с русскими. После «великолепных успехов» и «триумфальной прогулки» по Литве и Польше, Карл не хотел отвлекать себя заботами о «неумеющих воевать русских варварах».

Вскоре петровские отряды нанесли новые удары. *«Намерение есть, при помощи божией, по лду Орешик доставать»*, — писал Пётр Шереметеву

в январе 1702 г., но всё приходилось откладывать, пока новые успехи русских в Лифляндии не развязали окончательно рук для действий в Ингрии, на Ладоге и Неве. Нужно было подождать, чтобы определилось дальнейшее движение Карла и его главной армии. Лишь 5 июня 1702 г. царь смог поделиться с Апраксиным двумя хорошими известиями.

Во-первых, король шведский с армией углубляется всё далее и далее в Польшу. А во-вторых, *«зело великая перемена учинилась, война общая началась; дай, боже, чтобы протянулась: хуже не будет нам»*. Так совершенно правильно расценивал Пётр, с точки зрения русских интересов, вспыхнувшую весной 1702 г. войну за испанское наследство. Эта война почти на двенадцать лет связала руки Франции, которая воевала против Англии и Бранденбургского курфюршества (Пруссии), связала тем самым руки Англии, Австрии и Бранденбургу, лишила Швецию активной французской поддержки, не дала Англии возможности помочь Швеции и хоть немного остановить русские успехи на Балтийском побережье. Уход Карла из Литвы в Польшу и вспыхнувшая война на Западе между всеми великими державами очень облегчали положение русских в Прибалтике.

Русское военное командование решительно приступило к делу, катастрофически прерванному

Памятный камень на месте сражения при Гуммельсофе (Hummuli)

первой Нарвой в ноябре 1700 г. Но пока у шведов в руках были две сильные крепости на Ладоге: Нотебург и Кексгольм, — до той поры нельзя было чувствовать себя сколько-нибудь прочно. Устье Невы и море оставались недостижимыми.

В ночь с 26 на 27 сентября 1702 г. отряд Преображенского полка в 400 человек подошёл к Нотебургу и начал перестрелку. После прибытия основных сил русские притупили к осаде. В гарнизоне состояло 450 человек и многочисленная артиллерия. Предложение о сдаче, посланное Шереметевым, было отвергнуто, и 1 октября началась многодневная бомбардировка.

В русский лагерь явился барабанщик из осаждённого города с прошением к фельдмаршалу Шереметеву от жены коменданта, ходатайствовавшей, чтобы жёнам шведских офицеров позволили выйти из крепости *«ради великого беспокойства от огня и дыма»*. Письмо попало в руки сражавшегося в рядах Преображенских солдат «капитана бомбардирской роты» царя Петра Алексеевича. «Капитан» вручил барабанщику ответ: к фельдмаршалу пересылать письмо он не берётся, потому как ему доподлинно известно наперёд, что Шереметев не захочет офицерских жен «разлучением опечалити» с мужьями, а поэтому разрешение выйти из города даётся лишь с условием, чтобы каждая офицерская жена захватила с собой мужа. Десятидневная бомбардировка окончилась взятием Нотебурга штурмом. Много потерь стоила русским эта победа. *«Правда, что зело жесток сей орех был, аднака, слава богу, счастливо разгрызен. Артиллерия наша зело чудесно дело свое исправила»*, — писал Пётр. Старый русский Орешек вернулся в русские руки и был переименован в Шлиссельбург («ключ-город», открывавший дорогу к овладению устьем Невы).

1 мая 1703 г. сдалась Шереметеву небольшая шведская крепость Ниеншанц на правом берегу Невы (у впадения речки Охты). Шведы, не имея понятия о том, что русские уже овладели Ниеншанцем, явились на взморье, и их эскадра проникла в устье и здесь неожиданно была атакована. На тридцати небольших ботах русские под огнём

подплыли к двум неприятельским судам и взяли их на abordаж. Это была первая морская победа над шведами, и одержана она была в устье Невы, у того самого моря, от которого по Столбовскому договору русские были, казалось, так надёжно отрезаны.

16 мая 1703 г. на острове Лустон (Луст-Эйланд) на Неве была заложена крепость, первое здание будущего города Петербурга. В ближайшие месяцы русские овладели Копорьем и Ямом (Ямбургом). Вскоре после этого была фактически занята вся Ингрия (Ингерманландия).

Уже 13 мая 1703 г. Шлиппенбах писал Горну, а Горн доносил в «комиссию обороны» в Стокгольм, что если король немедленно не явится на выручку, то остзейские провинции будут потеряны для Швеции. Но все предостережения были напрасны. *«До конца король не допускал даже мысли, что здесь налицо большая опасность. Неслыханно возрастающую силу России он не хотел или не был в состоянии видеть и для большой опасности со стороны русского флота у него тоже не было глаз»*, — писал шведский историк Фердинанд Карлсон.

Другой шведский исследователь, Фриксель, отмечал: *«Из многих земель и провинций, которые шведы завоевали в свой блестящий период, Ингерманландия оказалась первой землёй, которая снова была ими потеряна. И с этого начался ряд великих потерь, вследствие которых с 1702 по 1715 г. от тогдашней шведской монархии при Карле XII и ведённой им войне было оторвано больше половины владений Швеции. Царь, действительно, теперь распространил своё владычество до Балтийского моря. Он тем более радовался этой военной удаче, что завоёванная территория первоначально принадлежала России. Таким образом, старая пословица оправдалась: „неправо взятое имущество не приносит добра“»*. Швед без возражений приводит полностью цитату из библии (из первой книги о Маккавеях), ту самую цитату, которая красовалась на большой карте Ингрии, вывешенной на колеснице во время триумфального въезда Петра в Москву: *«Мы ни чужой земли не брали, ни господствовали над чужим, но владеем наследием отцов наших, которое враги наши в одно вре-*

Август II (1670–1733). Король польский и курфюрст саксонский. Неизвестный художник. Начало XVIII века. Холст, масло.

меня несправедливо присвоили себе. Мы же, улучивши время, опять возвратили себе наследие отцов наших».

Фактически вся Ингрия уже в 1703 г. была в руках русских. Но пока Нарва могла тревожить Ямский и Копорский уезды налётами из крепости.

Пётр был крайне недоволен тем, что ладожский воевода Пётр Матвеевич Апраксин не удержал татар и казаков своего отряда от эксцессов и грабительских действий. *«А что по дороге разорено и выжжено, и то не зело приятно нам»*, — писал царь. Шереметев требовал от П.М.Апраксина, чтобы он обуздал своих конников и удержал их от насилий, *«ведаешь, какие люди татары и казаки»*, — напоминал он ему.

В январе 1704 года был свергнут с престола союзник Петра король Август II. Новым властителем Польши стал настроенный прошведски Станислав Лещинский.

Овладение крепостями Нарвой, Дерптом (славным отечественным градом Юрьевом, как на-

зывал его Пётр) и Иван-городом было намечено в качестве основной задачи на 1704 г. Необходимо было, чтобы Август всё же постарался задержать в Польше короля Карла с главными силами шведской армии. Царь снова повторяет обещание, данное в договоре с польским королём: после победы над шведами, по мирному трактату, отдать Августу Ливонию.

Необыкновенно удачно пошли дела летом 1704 г. Шведы ждали нападения на Дерпт с суши, но не со стороны реки Эмба, а Шереметев потерял целый месяц, ведя осадные работы и атаку там, где комендант Дерпта полковник Ските располагал хорошими укреплениями. У русских было 46 орудий, у шведов в крепости втрое больше: 133 пушки. Прибывший туда Пётр совершенно переменил все планы Шереметева. Он повёл атаку со стороны реки, для чего выстроил мост через Эмба, и перевел туда под самые укрепления часть осаждающей армии. 13 и 14 июля произошёл штурм, и город сдался.

После Дерпта наступила очередь Нарвы, где стоял шведский гарнизон в 2 тыс. человек под начальством коменданта Рудольфа Горна. Он решил защищать крепость до последней возможности. Пётр предлагал ему сдачу на самых почётных и выгодных условиях, с правом вывести, куда захочет, весь гарнизон. Горн ответил издевательским упоминанием о том, как русские были разбиты под этой же Нарвой за четыре года до этого. 13 августа после кровопролитного штурма петровские солдаты ворвались в город одновременно с двух концов.

Сопrotивление шведов было отчаянное, и русские были так разъярены тяжкими потерями, что, ворвавшись в крепость, они с большим трудом и далеко не сразу опомнились и прекратили эксцессы. Пётр должен был с обнажённой шпагой в руках броситься к солдатам и только этим остановил их. *«Всемилоостивейший господь каковым счастьем оружие наше благословити изволил и где прет, четырьмя леты (оскорбил, или наказал, или опечалил), тут ныне веселыми победители учинил, ибо сию преславною крепость, через лесницы, шпагою в три четверти (часа), получили. Хотя неприятель поткопом*

Речка Свете, у которой в сражении при Мурмуйжи шведы одержали победу над русскими войсками

крепко наших подорвал, аднакож салдат тем самым устрашити не мог», — писал Пётр польскому королю Августу. Играя созвучием слов: «нарыв» и «Нарва», Пётр поспешил известить адмиралтейств-советника Александра Кикина о блестящей победе в таких выражениях: «Инова не могу писать, только что Нарву, которою 4 года нарывала, ныне, слава богу, прорвало, о чём пространнее скажу сам. Piter».

Систематические нападения конницы Шереметева на Лифляндию, ещё более активизировались. Они имели важнейшее политическое и стратегическое значение. Забирая продовольственные запасы, опустошая страну, считавшуюся житницей Швеции, Шереметев постепенно и последовательно лишал шведов их ближайшей базы для операций не только против русских приобретений в Ингерманландии, но и против Пскова, Новгорода и Литвы, которая в соображениях Карла XII была прямыми воротами, широкой дорогой к русским преде-

лам. Когда Шереметев «изрядно повоевал Лифлянди», то и Петербург, и старые города — Псков, Новгород и Смоленск оказались в гораздо лучшем положении перед грозящим шведским нашествием, чем если бы шведы могли опираться на такую прекрасную продовольственную базу, как Лифляндия.

Была также важна и политическая составляющая. Лифляндское дворянство переставало верить в несокрушимость своих суровых шведских властителей, и число тайных сторонников врага Швеции дворянина Паткуля стало расти. Все видели, что в тех местах Ингерманландии, где утвердились русские, живётся, несмотря на войну, спокойнее, чем в Лифляндии, куда систематически вторгается русская конница. В манифесте «о принятии под защиту жителей Лифляндии», изданном в Дерпте в августе 1704 г., ещё говорится, что Лифляндия должна будет отойти к Польше, но уже делается крайне существенная оговорка: это присоединение Лифляндии к «короне польской» может состояться

лишь тогда, когда «корона польская» будет сама в состоянии оборонять эту провинцию, а до тех пор мы Лифляндию «в наше защищение восприимлем». Если принять во внимание, что в это время «корона польская», в зависимости от местности и от военных приключений, перелетала с головы Августа на голову шведского ставленника Станислава Лещинского и обратно, то станет ясно, что Пётр этим манифестом уже довольно недвусмысленно объявлял всем, что ни за что он Лифляндию Польше не отдаст. После предательства Августа II и подписания им сепаратного мира с Карлом XII в Альтранштадте польские претензии на Лифляндию (Ливонию) были похоронены навсегда.

Русское движение шло с востока на запад последовательно и неуклонно. Рига — столица шведской Ливонии — ещё держалась. Держались и курляндские крепости Митава и Бауск. Их черёд наступил в 1705 году.

Пётр хорошо понимал, до какой степени губит шведов их упорное пренебрежение ко всему, что делается в России: «... *пред их очами гора гордости стояла, чрез которую (шведы) не могли... видеть*» ухищрений, давших русским победу, — писал царь ещё до взятия Нарвы. Он писал это по поводу одной удавшейся военной хитрости, когда русское командование, руководившее осадой Нарвы, выманило на вылазку шведский гарнизон, причём перебито было много шведов.

Когда Карлу говорили о всё новых успехах русских, он лишь презрительно усмехался. Даже когда пришла зловещая новость о сдаче Нотебурга, король ограничился утешением по адресу своего встревоженного министра: «*Утешьтесь, дорогой Пипер! Ведь неприятель не может же утащить к себе этот город!*» Когда ему донесли о том, что царь заложил на Неве новый город (Петербург), Карл повторил то, что повторял и позже: «*Пусть царь трудится над закладкой новых городов, мы хотим лишь оставить за собой честь впоследствии забрать их!*» Так как «скрыто от смертных будущее их», то и граф Пипер никак не предвидел ни Полтавы, ни того, что ему придётся через много лет

сначала получить в том самом Нотебурге–Орешке квартиру, а потом и умереть там же после многолетнего пребывания в русском плену.

Летом 1705 г. русские войска были вновь направлены на территорию нынешней Латвии. Б.П.Шереметев получает приказ царя перенести военные действия в Курляндию, подчинённую тогда Польше. Следовало взять под контроль коммуникации на Ригу и Полоцк, по которым осуществлялось сообщение шведской армии в Польше с войсками, оставленными в Лифляндии. Главные шведские силы в Прибалтике — отряд Шлиппенбаха, опираясь на Ригу. Важными центрами служили курляндские города Митава (Елгава) и Бауск (Бауска). Летом 1705 года Шереметев получает приказ уничтожить отряд генерала Адама Левенгаупта. Подвижными силами, включавшими в себя только кавалерию, русские предполагали отрезать Левенгаупта от Риги. Он мог отойти в Польшу, но дорогу туда блокировали генерал Ренне и Паткуль.

В ожидании неприятеля Левенгаупт остановился у Гемауэртгофа (Мурмуйжи). 15 июля сюда же прибыл Шереметев, развернув свои войска для сражения. Во время боя успех вначале сопутствовал русским, но под натиском шведской пехоты

Портрет графа А.А.Левенгаупта. Гравюра, XVIII в.

Шведская пехота (реконструкция С.А.Летина)

В начале Северной войны «каролинцы» стяжали славу воистину непобедимых бойцов. Они буквально «взрывались» боевым духом и стремительным натиском сметали противника. К концу войны вал победного «силового поля» уже катился перед шеренгами русских солдат.

они вынуждены были отступить. «Некоторый несчастливый случай при Мур–Мызе, — отмечал царь, — учинился от недоброго обучения драгун (о чём я многожды говорил)». Но Пётр вместе с тем утешал Шереметева, указывая, что неудачи даже бывают полезны. «Не изволте с бывшем нещастии печальны быть (понеже всегдашняя удача много людей ввела в пагубу), но забывать и паче людей ободривать», — писал царь Шереметеву 25 июля 1705 г.

Пришлось отложить намечавшуюся осаду Риги, тем более что победоносный Левенгаупт стал там со своей армией. И тогда-то ранней осенью последовала, как бы в подтверждение слов Петра, за «неудачей» большая «удача».

В первой половине сентября после довольно долгой осады сдалась русским войскам Митава (4 сентября 1705 г.), а спустя неделю — город Бауск с крепостью. Добыча была большая: 326 пушек, причём были взяты редкие тогда в русской армии 35 больших гаубиц в Митаве и 8 гаубиц в Бауске. Пётр торжествовал больше всего потому, что эти два события задерживали курляндскую армию шведов и отрезали её от Польши: покорение Митавы «великой есть важности понеже неприятель от Лифлянд уже весьма отрезан, и нам далее в Полию поход безопасен есть», — писал он Фёдору Юрьевичу Ромадановскому.

Теперь уж явно на долгое время Прибалтийский край переставал быть главным театром военных действий. Можно сказать, что война продолжалась из-за Прибалтики, но не в Прибалтике. Только во второй половине 1708 г. там снова произошли крупные военные события. Но и тогда, как и в 1705 г., было ясно, что не на берегах Балтийского моря решится участь сухопутной русско-шведской войны.

Для Карла потеря Митавы и Бауска, да ещё с такой особенно досадной, тяжёлой утратой, как громадная по тем временам артиллерия, была поводом лишний раз укрепиться в мысли, которую он неоднократно высказывал в разных выражениях, когда Левенгаупт, или Реншильд, или граф Пипер пытались обратить внимание короля на необходи-

мость отвоевать обратно хоть часть занятых русскими прибалтийских шведских владений. Зачем думать о Ниеншанце или Нотебурге, или Митаве и Бауске и даже об угрожаемой Риге, когда всё решится самым желательным финалом в Москве? Значит, очередная задача — окончательно прибрать к рукам Польшу и, обеспечив свой тыл и усилив себя войском поляков, которых так или иначе возможно будет принудить к союзу, идти спокойно прямой дорогой на Могилёв — Смоленск — Можайск — Москву.

Но и у Петра уже с ранней осени 1705 г. тоже был готов не менее логический план, диктовавшийся как политическими, так и стратегическими соображениями, причём игру Карла XII царь понял весьма хорошо, хотя, может быть, в тот момент ему ещё и не были известны все «изречения» Карла XII о Москве и обо всём, что король шведский там собирается учинить с ним и как желает распорядиться Русским государством. Цель войны заключалась в том, чтобы: 1) всячески препятствовать Карлу захватить Польшу окончательно, и поэтому должно всеми мерами помогать Августу II и поддерживать войсками и деньгами в Польше Августа против сторонников шведского ставленника Станислава Лещинского. Русское командование при этом помогало не только королю Августу, но оказывало посильную помощь и населению тех мест Литвы и Польши, которые занимались русскими войсками; 2) всеми мерами стремиться к тому, чтобы война шла в Польше и польской Литве, а не в России, и удерживать шведов как можно дальше от русских рубежей, а единственным способом сделать это было оставление в пределах Речи Посполитой русской армии по возможности в тех частях польской государственной территории, которые граничат с русскими владениями, т.е. в Литве, в польской Белоруссии.

Когда пали Митава и Бауск, а Левенгаупт стал у Риги ждать неприятеля и явно боялся начинать немедленно наступательные действия, Шереметев этим воспользовался и, заняв в сущности почти всю Ливонию, кроме Риги, этим сильно подорвал

стратегическое значение шведской победы у Гемауэртгофа. Отныне русские могли не опасаться, что армия Левенгаупта вдруг нагрянет с севера на Литву. Во всяком случае можно было продолжать задержавшееся движение русской армии, ещё летом начавшей своё перемещение через Полоцк и Вильну на Гродно. Ещё 28 августа, когда уже участь Митавы была предрешена, русская армия стала собираться из Вильны, где она приостановилась, в Гродно.

Во время боевых действий в Польше, всё отчётливее проявлялось избирательно жестокое отношение Карла XII к попавшим в плен русским. 3 февраля 1706 года, у Фрауштадта состоялось генеральное сражение, спустя 45 минут завершившееся переходом французских и швейцарских наёмных частей на сторону шведов и паническим бегством саксонцев. Удар драбантов Карла выдержал только левый, русский, фланг. Несмотря на то, что полковник фон дер Гольц, бросив своих солдат, бежал и сдался врагу в самом начале боя, под шквальным огнём недавно ещё саксонской артиллерии, развёрнутой против них шведами, русские войска во главе с полковником фон Ренцелем, принявшим командование на себя, сражались до самой ночи, дважды переходя в контрнаступление и разрывая кольцо окружения. Лишь с наступлением темноты, когда стало ясно, что Август II, стоявший с двенадцатью тысячами отборных солдат совсем недалеко от поля битвы, не подойдет (он к этому времени уже поспешно отступал на Краков), Самуил фон Ренцель приказал идти на прорыв. Вырваться из кольца удалось 1 920 бойцам, чуть меньше трети, остальные, около 4 000, в основном раненые, были взяты в плен и по приказу шведского командующего графа фон Рёншильда поголовно перебиты. «Швейцарцев и французов, — пишет современный шведский историк Питер Энглунд, — тотчас поставили на довольствие, велено было накормить и саксонских солдат, предложив им выбирать, расходиться ли по домам или записаться в шведскую армию, но русским не приходилось ждать никакой милости».

А.Д.Меншиков (1670–1729). Неизвестный художник. Начало XVIII века. Холст, масло.

Солдаты генерала Карла Густава Рооса, назначенного ответственным за экзекуцию, окружили обречённых и согласно воспоминаниям очевидца, «около 500 варваров тут же без всякой пощады были в этом кругу застрелены и заколоты, так что они падали друг на друга, как овцы на бойне, так что трупы лежали в три слоя». После прибытия на место самого Рёншильда, акция стала более упорядоченной, — солдаты Рооса уже не стреляли и не кололи наобум, а укладывали пленников на землю и закалывали штыками по трое зараз: «Россияне також многие побиты, а которые из солдат взяты были в полон, и с теми неприятель зело немилосердно поступил, по выданному об них прежде королевскому указу, дабы им пардона (пощады) не давать, и ругателски положи человека по 2 и по 3 один на другого кололи их копьями и багинетами».

Только небольшая часть «объятых ужасом русских, укрывшихся среди саксонцев, попытались избе-

жать такой судьбы, выворачивая мундиры наизнанку, красной подкладкой наружу». Но их хитрость была разгадана, и, как рассказывает ещё один очевидец, «генерал велел вывести их перед строем и каждому прострелить голову; воистину жалостное зрелище!». Вместе с солдатами были убиты и офицеры, в том числе несколько немцев, в ответ на предложение Рёншильда отойти в сторону и перекусить ответивших по-немецки: «Нет, среди нас нет немцев, мы все — русские». Точное количество перебитых пленных неведомо, оценки исследователей колеблются на уровне 4 000 плюс-минус, но известно, что шведские офицеры, съехавшиеся поглазеть, оживлённо комментировали происходящее, аплодируя особо удачным ударам. «Забыв о своём бедственном положении, — вспоминает Томас Аргайл, шотландский капитан, бившийся вместе с русскими и взятый в плен раненым, — я решился приблизиться к фельдмаршалу и именем Господа напомнить ему о человечности и законах войны. Снизойдя до ответа, сей рыцарь снегов объяснил мне, что ни человечность, ни законы войны не распространяются на животных, каковыми были, есть и останутся русские. Впрочем, добавил он, если на то есть моё желание, я могу разделить их участь. Признаюсь, малодушие моё возобладало над совестью, и я предпочёл умолкнуть».

Следует отметить, что при случае шведские солдаты не церемонились и с поляками, и с саксонцами, пользуясь предоставленным их королём правом добывать себе пропитание у жителей оккупированных местностей. «Точию несказанные варварства чинят в Саксонии, и не точию жестоко правят кантрибуцию, но у мужиков ноги, обертая соломою, жгут и иными муками мучат, жён и детей отнимают, ныне же уже и жечь почали и уже два города и несколько деревень сожгли. Сие суть великодушные шведов», — так писал Пётр, наблюдая шведские подвиги в 1707 г. И это было, когда Август уже капитулировал, подписал Альтранштадтский мир. Что же делали шведы, проходя Аитвой и Белоруссней в разгаре войны, было крайне просто угадать...

В сентябре 1706 г. Карл XII вынудил Августа II заключить Альтранштадтский мир, тем самым оставляя Россию без союзников.

Но воинский успех сопутствовал солдатам Петра. Когда Александр Данилыч Меншиков 18 октября 1706 г. одержал победу под Калишем, то он писал с поля сражения царю: «*Не в похвалу себе, вашей милости доношу: такая была баталия, что радостно было смотреть, как с обеих сторон регулярно бились... Поздравляю вас преславною викториею и глаголю: виват! виват! виват! Дай Боже и впредь вашему оружию такое счастье!*».

Что Пётр был первоклассным полководцем начала XVIII столетия и что за прошлые века очень мало можно насчитать сражений, которые, как Полтава, обличали бы такую зрелую продуманность в подготовке и развитии боевых действий, такое проникновение в психологию противника и такое умение использовать его слабые стороны, с этим не будет спорить никто, сколько-нибудь добросовестно и беспристрастно изучивший петровскую документацию.

Даже в самой краткой характеристике Петра как организатора армии следует упомянуть об одном традиционном извращении истины. Мы говорим о преувеличении роли иностранцев как помощников и чуть ли не «руководителей» Петра в проводившихся им реформах. В гневную минуту Пётр, говоря об иностранных офицерах и генералах, прибегал к таким обобщениям, как, например, после измены немца Мюленфельса под Гродно в январе 1709 г., когда он рекомендовал Меншикову доверять ответственные посты природным русским людям, а не «сим плутам», зная, что в громадном большинстве случаев иностранцы, если не все «плуты», то смотрят на свою службу в России как на легкомысленную забаву. Добудут денег, чинов — и уедут к себе. И, конечно, не свои слова, а петровские передал Шафиров Меншикову по поводу навсегда покидавшего, в сентябре 1706 г., русскую службу фельдмаршала Огильви: «*Не взирая на все худые поступки, надобно отпустить его с милостью, с ласкою, даже с каким-нибудь подарком,*

чтобы он не хулил государя и ваше сиятельство; а к подаркам он зело лаком и душу свою готов за них продать». А ведь Огильви был как военный администратор не из самых худших и если чуть не погубил русскую армию в Гродно, противясь приказам Петра о быстрейшем уходе из города, то лишь потому, что, вероятно, был не весьма даровит как стратег и тактик. По крайней мере Пётр его в измене не обвинял, хотя непонятное ослушание и упорство в Гродно чуть не привели русскую армию к катастрофе. Как правило, для многих иностранцев, вступавших на русскую военную службу, эта служба являлась в точном смысле слова отхожим промыслом: послужил, наворовал и возвращайся к родным пенатам в Мекленбург, или в Пруссию, или в Голштинию вкушать под старость отдохновение от трудов. *«Весьма корыстный человек этот Шиц и никакого стыда в корысти не имеет: генералу Боуру говорил, что он для того только и в службу вашего величества пошёл, чтоб, идучи через Польшу, сумму денег себе достать»*, — так доносил с прискорбием Петру князь В. В. Долгорукий по поводу генерал-квартирмейстера русской армии, стоявшей в Польше в 1711–1712 гг., некоего Шица. Конечно, особенно удивляться тут нечего: на службу в Россию шли из чужих земель не лучшие, а скорее худшие элементы, часто такие, под ногами которых дома, как в XVIII в. выражались, начинала почемуму-либо «земля гореть», и они предпочитали на время отбыть из собственного отечества во избежание неприятностей, подальше от греха. Но корыстолюбие было далеко не главным их пороком. Хуже всего была невозможность гарантировать армию от шпионских проделок и вечной готовности к измене со стороны этих пришельцев, хотя, конечно, бывали и исключения.

Северная война 1700–1721 гг.

Воинский устав Петра был издан лишь в 1716 г., но уже перед Полтавой русская регулярная армия существовала на прочной основе ежегодных рекрутских наборов, систематического обучения и по своему однородному национальному составу и национальному самосознанию была выше европейских регулярных армий, раньше её возникших, но пополнявшихся наймом и вербовкой. Выше, чем

где-либо, в русской армии оказывался и другой моральный фактор: чувство товарищества. Поддержка товарища в бою требовалась не только формально, но и фактически, уже в первые годы петровской армии существовала тесная сплочённость кадров. Конная артиллерия, созданная Петром, сливалась в бою в единое, слаженно действующее целое и с пехотой, которую она охраняла и поддерживала, как это было под селом Добрым (у Чёрной Натопы), и с кавалерией, которой артиллерийская подготовка так облегчила действия во втором фазисе Полтавского боя, когда русские конники ликвидировали отброшенных к лесу шведов, бывших под командой Рооса и Шлиппенбаха. Полковая конная артиллерия, таким образом, dokonчила дело, начатое тяжёлыми и лёгкими орудиями русских артиллерийских сил, встретивших в первом фазисе боя убийственным огнём шведскую кавалерию, бурно устремившуюся на редуты в самом начале дела. Эта полная слаженность дружных действий всех трёх родов оружия сказалась очень ярко и в третьем, окончательном фазисе боя, т. е. в столь роковой для шведов «генеральной баталии», завершившей разгром шведской армии. Сказывалась она и раньше.

Подобно рыцарю-искателю приключений, шведский король Карл XII, долго гонял своих противников из конца в конец по Польше. Он мечтал предписать Петру мир в Москве. В России постигла его печальная судьба: он был наголову разбит под Полтавой 27 июня 1709 года. Это была битва, чрезвычайно важная для обоих государств. После этого поражения Швеция навсегда лишилась своего могущества, и Россия заняла её место в ряду европейских держав.

Полтава непоправимо разрушила шведское великодержавие. Этот вывод некоторые иностранцы, отдававшие себе отчёт в случившемся, сделали уже на другой день после катастрофы Карла XII. Не только Украина, но и вся Европа оказалась избавленной от угрозы «шведской державы, которая своим честолюбием сделала себя страшной для всей Европы», — читаем во французской реляции иностранца, участника сражения.

После Полтавы, Петру, разумеется, выгоднее всего было немедленно и естественно уладить вопрос о польском престоле, признав полную законность восстановления Августа II. Конечно, ни о каких претензиях Августа II на Ливонию не могло быть и речи.

Пётр «простил» Августу альтранштадтскую измену и сейчас же после Полтавы приказал русскому отряду прогнать вон из Польши шведские полки, ещё там стоявшие, а польские магнаты поспешили провозгласить Станислава Лещинского низложенным и восстановили Августа на престоле.

Истинную цену польско-саксонскому союзнику Пётр знал очень хорошо. «Где же мой подарок сабля?», — спросил Пётр Августа, имея в виду саблю с рукояткой, осыпанной драгоценными камнями, которую он подарил некогда Августу, вступая в союз с ним. «Забыл её в Дрездене!», — поспешил ответить Август. «Ну, так вот я тебе дарю новую саблю!», — сказал царь и отдал при этом уличённому во лжи «союзнику» ту самую саблю, которую русские нашли на поле Полтавской битвы в личных вещах бежавшего Карла XII. Оказалось, что в 1707 г., заключая свой предательский договор с Карлом, Август подарил шведскому королю этот петровский подарок...

Неприятная сцена не помешала Августу послать к Петру своего министра Флемминга и пытаться выпросить у Петра кое-что в пользу Польши из последних русских завоеваний в Прибалтике. Но из этого ровно ничего не вышло. Не для того Пётр выдержал такую долгую и тяжкую борьбу, чтобы, вытеснив шведов, допустить саксонских немцев или поляков к только что приобретённому морскому берегу. «Все мои союзники меня покинули в затруднении и предоставили меня моим собственным силам. Так вот теперь я хочу также оставить за собой и выгоды и хочу завоевать Лифляндию, чтобы соединить её с Россией, а не за тем, чтобы уступить её вашему королю или польской республике», — таков немецкий вариант разговора, который показал послу Августа Флеммингу, что ни Саксонии, ни Польше ничего не перепадёт из добытого русской кровью.

Латвия, г.Кулдига, ул. Базницас, 17. Дом бургомистра Штафенхагена (XVII–XVIII вв.). Здесь 17–27 января 1702 г. жил шведский король Карл XII.

В ступени прихожей встроен сундук, в котором хранилась войсковая казна

Латвия, пос.Вирга.
Памятник сапогу Карла XII.